

ТЕОРІЯ ТА ІСТОРІЯ СОЦІОЛОГІЇ

УДК 303.01

Я. В. КОНОВА

“ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ” В КОНЦЕПЦИИ Б. ЛАТУРА: ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕЗУЛЬТАТОВ ОТДЕЛЬНЫХ ОБЛАСТЕЙ ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье рассмотрена проблематика современных теоретических перспектив, задающих тональность дискуссий, идущих в гуманитаристике и социальных науках. Исследуется смещение интерпретационных рамок в связи с конвенционализацией конструктивистско-интерпретативной парадигмы, оживлением онтологической проблематики, возникновением ряда теоретических попыток определить стратегии выхода из методологического кризиса общественных наук. Предметом рассмотрения статьи являются принципиальные методологические позиции, заявленные в акторно-сетевой теории Actor-Network Theory (ANT) – исследовательской инициативе французского теоретика Бруно Латура, сосредоточенной на поиске путей обновления социального знания.

Ключевые слова: *актор-сеть, интерпретативно-конструктивистская парадигма, лингвистический поворот, прагматический поворот, перформативность, объекты-кентавры.*

Актуальность данной статьи обеспечена тем, что проблема содержательного обобщения направлений, тенденций, особенностей функционирования концептов и идей, задающих современный интеллектуальный ландшафт, стала в контексте изменений теоретико-методологических оснований социологической дисциплины одной из наиболее острых. В начале XXI века в общественных науках доминировала конструктивистская максима, которая претендовала и на статус ведущей методологической парадигмы. Тематизация человека познающего (*homo cognoscens*) [1, с. 17] и коммуникативного пространства культуры имела эмансипирующий характер и была направлена на преобразование сциентистски ориентированной теории познания в социально-гуманитарное синтетическое видение и развитие дескриптивных методов. Вследствие такой “эмансипирующей” критики, гуманистическая картина реальности, должна заменить представления о структурно-функциональной или экономически-детерминированной деятельности людей, наследует характер той универсалистской догмы, на которую был направлен ее критический пафос. На смену “антиреализму” постмодернистских программ приходит новая парадигма исследований, представленная новыми “реалистическими” тенденциями. Преодоление прежней установки видится концептуализацией материальных объектов, “не-человеческих” актеров, связей человека со средой, вещами, животны-

ми. Вновь проблематизируются различия “органическое – неорганическое”, “природа – культура”, “субъектная и несубъектная интенциональности”. Актерно-сетевая теоретическая ориентация (Actor-Network Theory, ANT) французского социолога Б. Латура – исследовательская инициатива, сосредоточенная, в числе прочего, на поиске альтернативных сценариев модернизации, новых целей и норм, путей обновления авторитетности знания. В настоящий момент существует дефицит теоретической рефлексии в области компаративистики подходов. Степень разработанности проблемы не может считаться достаточной. Концептуальным обобщением проблематики современного социологического теоретизирования и, в частности, творчества теоретиков актерно-сетевого подхода занимались: Е. Доманская, О. Столярова, С. Неретина, А. Огурцов, В. Вахштайн, О. Хархордин, А. Кузнецов, на работы которых мы будем опираться. Имена отечественных исследователей автору неизвестны.

Целью исследования является рассмотрение теоретических аспектов, которыми конституирована конструктивистская установка, как доминирующая до недавнего времени парадигма в методологии общественных наук; описать содержательные моменты её критики и конвенционализации; проследить процессы изменений в современных мыслительных установках и дать отчёт о причинах таких изменений; определить ключевые моменты процесса трансформации теоретических моделей в концепции Б. Латура, в которых можно зафиксировать оформление новой концепции гуманитарного знания.

Объектом исследования статьи является интеллектуальное творчество Б. Латура, – публикации, изданные в разные годы, а также творчество его оппонентов. **Предметом** рассмотрения являются принципиальные методологические позиции, заявленные теоретиками актер-сетевой теории.

Начиная с конца 1970-х гг. в социальных науках и с середины 1980-х – в психологии, оформилась интерпретативно-конструктивистская парадигма (или “нарративный поворот”), маркирующая ряд теоретических установок в общественных науках, которые артикулировали роль социальных ценностей, структур и отношений в построении “картины мира”, сети научной коммуникации и деятельности научных коллективов в производстве научных знаний. Формирование данной парадигмы сложилось под влиянием “лингвистического поворота” и, в частности, теории речевых актов Дж. Остина [2]. В рамках теории Остина была разработана классификация высказываний о реальности, а также осуществлена последовательная критика теорий истинности. К ней восходит и общее рассмотрение языка как социального действия и социальной практики человека, характеризующее социальный конструктивизм как направление, – теории речевых актов принадлежит тезис о том, что посредством слов мы не только описываем реальность, но и творим ее. Остин указал на то, что многие из наших высказываний не столько отражают, сколько производят, конституируют, уч-

реждают конвенциональные положения дел и имеют определенные последствия для говорящего. Таковы, например, всевозможные договоры, резолюции, обещания, клятвы, объявления войны и т.п. Теория речевых актов оказала влияние на формирование целого ряда программных заявлений социальных конструктивистов. Была проблематизирована сама возможность репрезентации вне определенной перформативной активности, вне социальной практики использования тех или иных описаний. Согласно основной идее конструктивистского подхода (Дж. Келли, Ж. Пиаже, А. Шюц, К. Герген, П. Бергер, Т. Лукман, У. Матурана, Ф. Варела, Р. Ватславик, И. Глазерфельд, Дж. Шоттер, Р. Харре), “знание что” может быть сведено к “знанию как”, – знание не является пассивным отражением действительности, но конструирует эту действительность. В этом смысле конструктивизм стоит на позициях методологического релятивизма и полемизировал со сторонниками сциентистских подходов, придерживающихся классических “теорий отражения” и корреспондентных теорий истины. Интерпретивно-конструктивистская парадигма была ориентирована на рефлексию культурного контекста порождения концепций, конструктов и научного знания в целом. Принципиальным положением нарративного подхода к исследованию идентичности, является её рассмотрение как продукта совместного со-конструирования в сообществе. Фокусом нарративного исследования часто становятся дискурсы как формы социальной практики, выраженные в языке, преломляющиеся в конкретных историях человеческой идентичности. В эмпирической исследовательской деятельности это делает актуальным обращение к биографическому и квазibiографическому материалу, к разного рода речевой продукции или любым проявлениям человека, которые можно рассматривать как некоторый текст. В практике нарративный подход характеризуют направленность на работу с сообществом людей, внимание к использованию языка, особая этика (отказ от экспертной позиции, противодействие притеснению маргинализированных групп) и соответствующие техники работы. Получает широкое применение и понятие “социальной реальности” в работах А. Шюца, П. Бергера, Т. Лукмана, включавших в это понятие субъективные представления, элементы веры и вымысла. “...Социальная реальность содержит в себе элементы веры и убеждения, – пишет А. Шюц, – поскольку так их определяют участники, и которые ускользают от чувственного наблюдения. Для жителей Салема в XVII ст. колдовство было не обманом, а элементом их социальной реальности, и вследствие этого, оно является предметом изучения общественной науки” [3, с. 487].

В эпистемологии социокультурный конструктивизм и сейчас представляет собой одну из влиятельных концепций современного эпистемологического конструктивизма, наряду с критикой “мифа о данности” У. Селларса и радикальным конструктивизмом когнитивных наук [4, с. 34]. Согласно этому “мифу”, эпистемологическим фундаментом знания, в том

числе и научного, являются первичные “данные” ощущений, якобы приобретаемые субъектом без какого-либо предварительного обучения лишь в процессе непосредственного чувственного контакта с внешним миром. Этому “мифу” позитивизма Селларс противопоставляет учение о том, что ощущения и восприятия становятся “данными”, только будучи интерпретированы в некоторой языковой системе, обучение которой является прямой и необходимой предпосылкой всякого осмысленного наблюдения; всё, что человек ощущает или воспринимает, определено языковым “каркасом”, которым он пользуется [5]. После известной работы Т. Куна “Структура научных революций” [6] в фокусе интереса оказываются социальные факторы конституирования научных парадигм и сообществ, – представление о научном сообществе, объединяемом едиными нормами “научного этоса”, трансформировалось в представление о множестве научных микросообществ со своими несоединимыми микропарадигмами. Научные факты трактуются как социально конструируемые, – как символическая реальность, создаваемая в ходе измерений, теоретического синтеза и научной коммуникации. У. Куайн пишет: “Вся совокупность нашего так называемого знания или убеждений, начиная с неподдающихся обобщению фактов географии, истории и заканчивая основополагающими законами атомной физики и даже чистой математики и логики, есть человеческая конструкция, которая соприкасается с опытом только по краям” [7, с. 363]. Здесь же можно отметить работу Л. Флека “Генезис и развитие научного факта” [8] или Б. Латура и С. Уолгара “Лабораторная жизнь: социальное конструирование научных фактов” [9]. Эта работа в качестве этнографического исследования была посвящена формам жизни и внутренним правилам организации повседневного мира современной науки. Научная лаборатория выступает здесь “предприятием по производству научных фактов”. “Наука – это любопытная система убеждения людей”, – пишет Б. Латур, в своих первых исследованиях науки сосредоточившийся только на дискурсивном аспекте практики ученых [10, р. 180].

В конструктивистском нарративизме с понятием дискурса связывались новые подходы к научному знанию во всех областях, способы объединения ранее разрозненных научных дисциплин – естествознания, социальных и гуманитарных наук, возникновение новых дисциплин, – нарративной психологии, нарративной истории, нарративной антропологии. Этот подход в то же время сопровождается эстетизацией и политизацией научного дискурса, отождествлением научной деятельности с формами символической активности, а научного сообщества – с художественными и литературными группами. Лингвистический прагматизм, представленный самыми радикальными критиками эссенциалистской исследовательской программы, рассматривает язык как инструмент, а не систему репрезентации. Значение научных понятий определяется только прагматикой их использования и служебной ролью в контексте и специфике употребления в

рамках той или иной системы представлений. Методологический релятивизм, утверждающий определяющую роль конвенций и социокультурных факторов в познавательном опыте, лишает понятие значения какого-либо объективного, внелингвистического содержания; референция оказывается “непрозрачной”; реальность полностью растворяется в контекстах несоизмеримых и самодостаточных гетерогенных “языковых игр”. “Объективность” уступает место этнополитической “солидарности” [11]. Оппоненты такой точки зрения справедливо указывают на внутреннюю противоречивость культур-релятивистской установки, которая является “самоопровергающейся”. Аргументы культурных релятивистов оказываются внутренне уязвимыми – конвенциональные теории истин сами тяготеют к гипостазированию и универсальности, если всерьёз принимать концепцию релятивизма. Собственная практика релятивистов наилучшим образом доказывает несостоятельность их теоретических построений. “Релятивисты, – пишет Х. Патнэм, – хорошо знают, что их аргументы звучат неубедительно для большинства их культурных современников, но продолжают своё занятие, поскольку думают, что оно оправданно. Таким образом, они разделяют картину оправдания как независимого от мнения большинства” [12, р. 106].

Эпистемологический релятивизм, проникающий в эмпирические исследовательские программы, приводит к тому, что начинают стираться границы между социологией и рядом других наук, размывается предметный фокус социологии. В результате получившая влияние в дискурсивном поле социологии постструктуралистских способов аргументации, постановка вопроса о предметной специфике социологии сносится в связи с положениями гносеологического плюрализма, – необходимости рассмотрения социального мира в его многофокусности и многополярности, отказе от логоцентризма и детерминизма. В общем, “антиреализм” интерпретативно-конструктивистской парадигмы носит лингвоцентричный характер. Такая установка запрещает ставить вопрос о специфике “объективности”, формулировать её как проблему. С этой точки зрения, реально и объективно то, что конвенционально и не противоречит правилам действующей “языковой игры”.

Следствием такой “эмансипирующей” гуманитаристики становится то, что социальная интерпретация тяготеет к догматическим трактовкам, гипостазируя свой способ анализа на все явления жизни и отрицая одновременно в своих радикальных версиях возможность построения любой теоретической дисциплины. С социоцентристской точки зрения культурная среда, или сфера человеческого общения, не только полностью определяет политические взгляды, религиозные верования, философские концепции и даже научные теории, но и является “адекватным” критерием их истинности, практической значимости и ценности.

В последнее время наметилась тенденция к преодолению такого рода догматизма. Новая возникающая парадигма критикует культуроцентризм и социальный детерминизм. Смену базовой проблематики онтологического

мышления сегодня маркирует осмысление разрыва с доминирующей в мире практикой и ее результатами. В книге “Теория практик” В. Волков и О. Хархордин констатируют наступление новой эры социальных наук – эры “прагматического поворота”. Особенностью “прагматического поворота” в науках об обществе, по мнению авторов книги, стало обращение взоров исследователей к социальным практикам или просто – к практикам. В наиболее широком смысле “практики – это все, что мы делаем” [13, с. 15]. Фокус концептуализации смещается к объектам, природа которых проблематична. Как фиксируют исследователи, число подобных объектов неуклонно возрастает. “Непокорные объекты исследований” (*disobedient subjects*) [14, с. 156], “объекты-кентавры” – особенность эмпирических программ конца XX – начала XXI века. Теоретический кризис отмечен дефицитом рефлексии практик, порождающих новый тип объектов. Е. Доманская, польский историограф, приводит примеры таких объектов. Интересуясь новыми технологиями захоронения и интервьюируя директоров похоронных домов в Калифорнии, она встретила с явлением LifeGem, – камнем памяти, как его сейчас называют в Польше. Этот синтетический бриллиант, изготовленный из праха послужил в ее работе примером новых отношений органического/конструктивного. Она приводит также и другие примеры. В 2002 г. двое художников Дж. Треммель и Ш. Фукугара презентовали проект, названный “Биоприсутствие” (*Biopresence*). Он представлял собой включение человеческого ДНК в дерево без изменения генов растения и создание “Живых мемориалов” (*Living Memorials*) или “трансгенетических надгробий” (*transgenic tombstone*). Флуоресцентный кролик (“*GFB Bunny*”) и сконструированный цветок – зверорастение “Эдуния с человеческим ДНК самого художника также является примером такого трансгенетического искусства [14, с. 156].

Источниками выявления объектов подобного рода является практика исследования деятельности научных лабораторий социальными учеными (*Science and Technology Studies, STS*). Процесс свершения научных открытий и их социализации был также проиллюстрирован Латуром на историческом материале работы Л. Пастера и развития социально-гигиенического движения во Франции в работе “Пастеризация Франции” [15], а в книге “Наука в действии” [10] французский теоретик уже представил свой понятийный словарь анализа современной “технонауки”. Объекты, возникающие в современных лабораториях, Б. Латур называет “косматыми”, “лохматыми” объектами (*objetschevelus*). У классических объектов, “свободных от риска”, “гладких объектов” (*objetschauves*), были четыре основные характеристики, которые позволяли узнавать их с первого взгляда [16]. Прежде всего, произведенный объект имел отчетливые границы и легко опознаваемые свойства. Он принадлежал миру вещей, миру устойчивых определений, исходя из строгих законов причинности, эффективности, рентабельности, истины. Затем, как только работа над объектом завершалась,

исследователи, инженеры, руководители, предприниматели и технологи, которые задумывали, производили и запускали эти объекты на рынок, делались “невидимыми”. Научная, техническая и производственная деятельность оставалась вне поля зрения. Наконец, некоторые из этих объектов, иногда по прошествии многих лет, могли стать причиной незаметной опасности и даже настоящих катастроф. Эти неожиданные следствия никогда не оказывали воздействия на первоначальное определение объекта, поскольку связывались с ситуациями непредсказуемой истории, хаоса, политического и социального беспорядка. Катастрофические последствия не имели никакого обратного действия на определение объектов [16]. В отличие от гладких объектов, “косматые” не имеют отчетливых границ, они могут быть определены только в терминах “запутанных” объектов, образующих ризомы и сети. Их производители не являются невидимыми, но вовлечены в производство вместе со своими инструментами, лабораториями, мастерскими и заводами. Научное, техническое и промышленное производства изначально являются частью их определения. В-третьих, они имеют многочисленные соединения, которые связывают их тысячами разных способов с инстанциями, столь же не соотносимыми с классическими определениями. “По своим свойствам “косматые” объекты полностью отличаются от прежних, классических или “гладких” объектов (*objetschauves*); именно поэтому говорят о кризисе каждый раз, когда происходит их вторжение в мир ... Мы присутствуем при умножении “запутанных” объектов, которых уже ничто больше не может удержать в рамках одного только природного мира” [16].

Задача актерно-сетевой ориентации, как ее видит Латур и его коллеги, состоит в том, чтобы, реконструировав тщательным образом коллективные практики “нововременных” (*термин, отсылающий к западной цивилизации модерна*), обнаружить погрешности в их представлениях о самих себе, ставшие причиной кризисных явлений и, возможно, предложить альтернативные сценарии модернизации. Для реконструкции опыта нововременных, необходимо обратиться к институтам науки и сопутствующей ей инженерной деятельности. Именно в деятельности ученых и инженеров, а также различных форм ее институционализации, не действуют, как покажет Латур, классические различия “природы” и “политики”, составляющие “нововременную конституцию” (*термин, отсылающий к фундаментальным процедурам модернистского мышления*) наших представлений. Эта конституция, воплощенная в теоретическом знании, где проводится жесткое размежевание “естественного” от “общественного” с их последующим зеркальным противопоставлением и сращением в уже привычных картинах взаимодействия “природы” и “культуры”, приводит к неразрешимым, спекулятивным противоречиям между реальностью и конструкцией в “нововременных философиях”.

Обращаясь также к рассмотрению экологических движений, Латур показывает как “под видом сохранения природы экологические движения также сохраняют и концепцию “природы”, которая делает столь неуспешным их участие в политических баталиях. Поскольку “природа”, как мы увидим впоследствии, на самом деле “создана” для того, чтобы изъять из нее политику, мы можем претендовать на ее сохранение, только вводя ее в общественные дебаты. И следовательно, мы действительно имеем право, как, например, в случае политической экологии, говорить о все увеличивающемся разрыве между ее все расширяющейся практикой и теорией, которой она располагает по поводу этой практики” [16]. Политика не может быть далее противопоставлена природе – “этой смеси греческой политики, французского картезианства и американских парков ... Любая политика, с тех пор как было изобретено само это слово, определялась через ее отношение к природе, – пишет Латур, – каждая черта, каждая особенность, каждая функция которой зависела от полемической воли ограничивать, пересоздавать, основывать, обходить и прояснять общественную жизнь” [16]. Политическое и природное оказываются тесно связанными в “пыточных камерах науки”, где можно непосредственно отследить весь “механизм фабрикации природы” [15].

Очевидны поиски путей включения материальных объектов в горизонты социологического рассмотрения. Эти мотивы сильны в работах И. Гофмана, Б. Латура, К. Кнорр-Цетины и других теоретиков материального поворота. В современном мире проблематику взаимоотношения конструкции – природы, естественности – искусственности, органического – неорганического, возникающую в технауче, экологии, новых мировоззренческих парадигмах, таких как трансгуманизм, ситуациях использовании нанотехнологий, геномной инженерии, можно решать только при условии признания того обстоятельства, что конструктивная деятельность вписана в реальность. “Для эпистемологического конструктивизма проблемы взаимоотношения естественного и искусственного не существует, так как для него не существует естественного, в то время как для позитивистов, например, теоретические конструкции слишком идеальны, чтобы принимать их в расчет, – отмечает В. Лекторский, – тем не менее, нанотехнологии конструируют предметы и материалы, оперируя элементами онтологий (атомы, элементарные частицы), которых позитивисты считали логическими конструкциями из чувственных данных, а социальные конструктивисты – простыми фикциями [4, с. 39].

Ключевыми вопросами становятся вопросы границ видовой идентичности, связи человека со средой, технологиями, вещами, животными, вопросы биовласти и биополитики. “Захватывающий поворот от описания жизни к интервенции в саму жизнь” является характеризующим современную жизнь феноменом, как считают некоторые исследователи [14, с. 156]. Точкой соотнесенности политических проблем, проблем технауче, искусства, является осмысление жизни – отношение между “объективной приро-

дой”, которую можно было только изучать, и “субъективной конструкцией” – результатом человеческой интенциональности, стремительно переворачивается – наши идеализации становятся реальностью, а жизнь начинает производиться. В центре интереса – проблема композиции общего мира, объединяющего как людей, так и “не-человеков”. Этот общий мир характеризуется не в терминах глобализации, а космоса – в планетарной перспективе.

Выводы. Технологические новации и изменения, происходящие в общественной жизни, культуре, политике, опережают научные исследования, практика – теорию. Возникают новые явления и объекты либо же старые, как на это указывает Б. Латур, оказываются в совершенно новом проблематическом контексте. Несоразмерность с меняющейся действительностью или результатов исследований с общественными ожиданиями являются ключевыми для определения состояния современной гуманитаристики. В этом свете “новый материализм” и “новый эмпиризм” в современных теоретических программах являются подходами, апеллирующими к необходимости создания практической методологии, происходящей из глубокого анализа исследовательского материала. Некоторые ученые определяют эту группу задач как методологию, направленную на построение теории “снизу” – конституирование понятий исходя из самих данных. «По моему мнению, мы должны стать более эмпирическими, больше уважать исследовательский материал и пробовать строить теории “снизу”», – пишет Е. Доманская [17, с. 205]. Речь идет, по словам британского теоретика П. Джойса, не “о расширении теории с помощью анализа данных, но о потенциальности данных в расширении нашего теоретического воображения” [19]. Пассивное применение теорий и инструментальное трактование изучаемого материала не позволяет создавать соответствующие средства для концептуализации новых явлений. Это не значит, что необходимо отвергнуть существующие теоретические подходы, однако имеющиеся теории служат лишь вступительными интерпретационными рамками для формулирования начальных посылок.

С точки зрения оценки эвристического потенциала актер-сетевой ориентации можно констатировать следующее:

– ANT является серьезной заявкой на преодоление нигилизма постмодернистских воззрений о невозможности создания фундаментального теоретического знания, способного предложить целостную картину современного мира. Актер-сетевая ориентация, будучи сходной с постмодернистскими теориями в отрицании любого универсализма и тотальности описаний, настаивает на необходимости поиска новых оснований, аксиоматики, логики и оптики социальных дисциплин;

– Б. Латур и другие теоретики ANT производят попытку реанимирования и обновления проекта научного познания, реорганизации всего социологического знания. Их целью является утверждение в дискурсе социальных наук идей материальности вещи, объект-центричной социальности;

– заявлений теоретиками АНТ и их единомышленниками “поворот к материальному” предлагает ряд принципиально новых средств концептуализации. В этом состоит его ценность для современной социологической теории. Несмотря на то, что при более детальном рассмотрении, теоретические успехи на этом поприще могут оказаться скромными, поворот к материальному способен оказать существенное влияние на словарь дисциплины, открывая новые горизонты социологического воображения.

Список использованной литературы

1. Витченко Н. Неклассическая теория познания: стратегия case-study и методология конструкционизма / Н. Витченко // Вестник ТГПУ / под ред. В. В. Обухова. – Томск : ТГПУ, 2006. – № 7. – С. 17–26.
2. Остин Дж. Л. Слово как действие / Дж. Л. Остин // Новое в зарубежной лингвистике : сборник / общ. ред. Б. Ю. Городецкого. – Москва : Прогресс, 1986. – Вып. 17. Теория речевых актов. – С. 22–129.
3. Шюц А. Формирование понятия и теории в общественных науках / А. Шюц // Американская социологическая мысль: тексты. – Москва, 1994. – С. 481–496.
4. Лекторский В. А. Можно ли совместить конструктивизм и реализм в эпистемологии? / В. А. Лекторский // Конструктивизм в теории познания / Рос. акад. наук. Ин-т философии / под ред. В. А. Лекторского. – Москва : ИФРАН, 2008. – 171 с.
5. Sellars W. Science, Perception and Reality / W. Sellars. – N. Y., 1963. – P. 161–170.
6. Kuhn T. The Structure of Scientific Revolutions / T. Kuhn. – Chicago : University of Chicago Press, 1996. – 175 p.
7. Куайн У. Две догмы эмпиризма / У. Куайн // Слово и объект. – Санкт-Петербург, 2000. – С. 363.
8. Fleck L. Genesis and Development of a Scientific Fact / Ludwik Fleck. – Chicago : University of Chicago Press, 1979
9. Latour B. Laboratory Life: The Construction of Scientific Facts, Introduction by Jonas Salk // B. Latour, S. Woolgar. – Princeton University Press, 1986. – 296 p.
10. Latour B. Science in Action: How to Follow Scientists and Engineers Through Society / Bruno Latour. – Cambridge Mass : Harvard University Press, 1987. – 274 p.
11. Rorty R. Objectivity, Relativism, and Truth / R. Rorty // Philosophical papers. – Cambridge, 1991. – Vol. 1. – P. 35–37.
12. Putnam H. Realism with a Human Face / H. Putnam. – Cambridge, 1990. – P. 106.
13. Волков В. В. Теория практик / В. В. Волков, О. В. Хархордин. – Санкт-Петербург : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. – 298 с.
14. Доманська Є. Історія та сучасна гуманітаристика: дослідження з теорії знання про минуле / Є. Доманська. – Київ : Ніка-Центр, 2012. – 264 с.
15. Latour B. The Pasteurization of France / Bruno Latour. – Cambridge Mass: Harvard University Press, 1993. – 273 p.
16. Латур Б. Политика природы / Б. Латур // Неприкосновенный запас. – 2006. – № 2/46.

Статья поступила в редакцию 19.08.2014.

Конова Я. В. “Прагматичний поворот” в концепції Б. Латура: евристичний потенціал результатів окремих галузей дослідження

В статті розглянуто проблематику сучасної теоретичної перспективи, що задає тональність дискусій в гуманітаристиці та соціальних науках. Досліджується зміщення інтерпретаційних рамок у зв'язку з конвенціоналізацією конструктивістсько-інтерпре-

тативної парадигми, пожвавленням онтологічної проблематики, виникненням низки теоретичних спроб визначити стратегії виходу з методологічної кризи суспільних наук. Розглянуто принципи методологічні позиції, що заявлені в акторно-мережевій теорії Actor-Network Theory (ANT) – дослідницькій ініціативі французького теоретика Б. Латура, що зосереджена на пошуку шляхів оновлення соціального знання.

Ключові слова: актор-мережа, інтерпретативно-конструктивістська парадигма, лінгвістичний поворот, прагматичний поворот, перформативність, об'єкти-кентаври.

Konova Y. Pragmatic Turn in the Approach of Bruno Latour: Heuristic Potential Result of a Separate Field of Study

The contemporary theoretical perspectives, that set the tone of the discussions taking place in the humanities and social sciences are problematized. At the beginning of the XXI century the constructivist maxima in the social sciences had been dominating. It also had been contending for the status of a leading paradigm in the philosophy of science. The thematizing of “homo cognoscens” and communicative space of culture had been having emancipating nature and had been aiming at transforming the scientific oriented epistemology into the social-humanitarian synthetic vision and the descriptive methods development. Interest in epistemological problems was caused by the crisis of classical samples and its overcoming. Situation, which is called non-classical, had emerged at the borders, where the classical theories had collided with objects that not could be described in the accustomed terms. In the XIX century such objects had been seen as exceptions from the rules, exotic representatives of micro- and megaworlds. The number of such objects is steadily increasing in contemporary world. Disobedient objects, centaurs- objects – the scientific knowledge feature at the beginning of the XXI century. The Science and Technology Studies (STS) had become the sources of such kind of objects discovering. The modern science practices had appeared in social scientists, historians, anthropologists the focus of interest. In this research perspective the science like traditional societies day-to-day practices defines some convictions and beliefs and limits others. Non-classical approaches had become a reaction to the discrepancy between the ideal object of classics and such disobedient objects, abstract subject and particular individuals, classic methodology and intensive activities resources search in all areas of practice. New paradigm criticizes culture-and social determinism, which are characteristic for the interpretivist/constructivist paradigm. The displacement of interpretive framework in connection with the conventionalization of the interpretive-constructivist paradigm, the revival of the ontological perspective, the emergence of a number of theoretical attempts to define an exit strategy from the methodological crisis in the social sciences are studied in this article. Subject to review are fundamental methodological positions stated in Actor-Network Theory (ANT) – research initiative of French theorist Bruno Latour, focused on finding ways to the social knowledge reconstruction.

Key words: actor-network interpretive-constructivist paradigm, linguistic turn, pragmatic turn, performativity, objects-centaurs.